

Рассказ Филиппа Ивановича Павлова из Рубежного форпоста (о Пугачеве в передаче И. И. Железнова)

— Покойный родитель мой состоял при Петре Федоровиче генералом и носил через плечо голубую ленту, — говорил мне Филипп Иванович Павлов, житель Рубежного форпоста. — Жалован был от него суконным, из аглицкого сукна, кафтаном, малинового цвета, обшитым по борту, по полам и по подолу широким, в ладонь ширины, золотым позументом. После отца кафтан этот донашивал я, — насилу доносил: уж больно сукно-то было добротное, таких нынче нет.

— До объявки себя царем, — говорил Павлов, — он чаще всего надерживался у Толкачевых, под видом якобы работник, а на самом деле какой работник, только отвод один дела, выжидал удобного времени, чтобы дело свое начать. Когда явился в город с армией, стал на фатеру к Толкачевым. Тут соседи Толкачевых и признали его. «Смотрите-ка, смотрите-ка! Какое чудо! Право чудо! — толковали меж собой соседи. — Ну, кто мог подумать, что это царь был?»

С этого времени и началась война, и длилась она до самой женитьбы его. До женитьбы он воевал счастливо: все, значит, города ему сдавались. А как женился, так и отрубил!

На вопрос мой, каким образом Пугачев женился, — Филипп Иванович отвечал:

— Подгадил кто-то! Поговаривали про Толкачевых, якобы они присоветовали ему жениться. Есть когда взаправду они присоветовали, — заметил Павлов, — то великий грех на душу взяли, незамолимый: от живой жены жениться не подобает. Да и его-то, батюшку, в искушение ввели; чай, спокаялся и он, да поздно: «снявши голову, над волосами не плачут», — старые люди так говаривали. После его женитьбы казаки наши стали уклоняться от него: значит усумнились в нем. Осталась при нем самая малость казаков. Правда, собирал он рати много, да все из крестьян: что толку-то? С такую ратью ничего не поделаешь, хоть бы и совеем ее не было. Разбил его князь Голицын под Татищевой, и с той поры пошел он наутек, —

нигде удачи не имел. Напоследок попался в руки царицы, первой своей супруги.

А был он, родитель сказывал, был он воин настоящий, за редкость таких: и храбый, и проворный и сильный, просто богатырь! В гору лошадь обгонял! А раз, под Оленбургом, сам своей персоной один батареей управлял, всех двенадцать орудий было, а он успевал и заправлять, и наводить, и палить, и в то же время полковникам и енералам своим приказанья отдавал. Вот он молодчина какой был! А деньги, порох и всякие снаряды из авропии получал: значит, сугласнички его высылали ему. И был он грамотный.

При этих словах я заметил, что по всем сведениям, какие мы имеем, самозванец Пугачев был безграмотный. Но Павлов возразил:

— Как не знать ему грамоты? Он немец был!!¹

¹ Фразу «как не знать ему грамоты? Он немец был», я не от одного Павлова слышал, а от многих и многих стариков. (Примеч. И. И. Железнова.)